

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ЧАРЛЬЗ ПАЛЛИСЕР

ИЗГНАНИЕ



МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
П14

Charles Palliser
RUSTICATION

Copyright © 2013 by Charles Palliser

Паллисер, Чарльз.

П14 Изгнание / Чарльз Паллисер ; [пер. с англ. Ю. К. Рыбаковой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-83272-9

У Ричарда Шенстоуна в его семнадцать лет хватает грязных тайн. Нерадивый студент, отчисленный из колледжа за огромные долги и пристрастие к опиуму, он возвращается домой, думая лишь о том, как скрыть свои прегрешения от семьи. Но домашним, похоже, не до его секретов: маленький, тихий на вид городок и без него переполнен тайнами, интригами и сплетнями. Юноша поневоле оказывается втянут в драму, развернувшуюся вокруг его семьи. Кто рассылает горожанам анонимные письма с грязными проклятиями и обвинениями? Почему одно имя его покойного отца заставляет лица соседей кривиться? Что скрывают мать и сестра и почему так стараются отпугнуть его восояси? В поисках правды Ричард шаг за шагом спускается все глубже во мрак преступной тайны...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-83272-9

© Рыбакова Ю.К., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015



Предисловие

Ниже следует мое изложение документа, который на многие годы затерялся в архиве Торчестера. Это дневник, проливающий свет на убийство, в свое время привлечшее всеобщее внимание, но впоследствии совершенно забытое, поскольку никому так и не было предъявлено обвинение.

Дневник представляет собой переплетенный в кожу блокнот ин-кварти в триста страниц нелинованной бумаги, из которых сами записи занимают двести восемьдесят. Кто-то вклеил в него несколько анонимных писем, относящихся к делу. Я воспроизвел их в точности и в тех же местах, где обнаружил. Но одно из них в дневник вклеено не было, а было получено из другого источника. Оно является последним и наиболее разоблачительным.

Вот часть этого письма:

Думаешь, что можешь трахнуть любую девчонку и просто смыться, потому что очень важный? Своих потаскух сношай сколько угодно, но если тронешь порядочную девушку, то заплатишь. Я говорю не о деньгах. Ты заплатишь кровью. Думаешь, сможешь сбежать? Ошибаешься. Когда мы опять с тобой встретимся, твои дружки тебе не помогут. Я тебя убью, но сперва так замучаю, что ты завоешь о пощаде. Ты гордишься своим хреном. Посмотрим, сможет ли он настротать тебе наследника, когда я засуну его в твою лживую плотку!



Угроза была осуществлена полностью.

В конце дневника говорится, что полицейский зачитал выдержку из этого письма, но признался, что ему не позволили увидеть его целиком. Я был заинтригован этим обстоятельством и, заподозрив, что здесь скрыто нечто очень важное, решил попытаться отыскать оригинал. В конце я вернусь к этому вопросу.

ЧП.

**Дневник Ричарда Шенстоуна:
с 12 декабря 1863-го по 13 января 1864 года**



Суббота, 12 декабря, 10 часов вечера

Потрясен тем, как мама меня встретила. Когда я внезапно появился перед ней, она воскликнула не то «Вильям», не то «Вилли». Не припомню никого с таким именем, за кого она могла бы меня принять, и вряд ли она ждала кого-то в столь поздний час в таком захолустье. Но самое странное, что она мне не обрадовалась.

То же самое касается Эффи! При виде собственного брата она явно испугалась.

Интересно, как долго я выдержу в этой жуткой глуши. Когда минуту тому назад я приподнял занавеску и выглянул в окно, то не увидел ничего, кроме луны, бледно сияющей над серебристым простором грязи и воды — все такое гладкое, что невозможно понять, где заканчивается топь и начинается море. Ничего. Ни единого дома. Ни огонька.

Не ожидал, что дом в таком состоянии. Похоже, для его благоустройства не сделано ничего. Тем не менее семья здесь уже несколько недель.

И багаж мой застрял! Все из-за дрянного извозчика, который довез меня от станции в Торчестере и, побоявшись увязнуть в грязи, заставил сгрузить багаж в зловонной пивной. А грубиян хозяин содрал целый шиллинг, но не дал и трех минут, чтобы забрать самое ценное. И вот

я вынужден вести счет расходам, чтобы не угодить в старую историю. Это будет несложно: тратить деньги здесь не на что.

* * *

Памятка: ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ БАЛАНС: 13 шиллингов 4 1/2 пенни. РАСХОД: Повозка до Уитминстера (2 ш. 3 п.), хранение багажа в течение трех дней 4 п. в день (1 ш.)

ИТОГО: 3 ш. 3п.

САЛЬДО: 10 ш. 1 1/2 п.

* * *

Потом два часа пешком по грязной извилистой дороге, пока, наконец-то, я не завернул за облезлую зеленую ограду, и вот передо мной раскинулась гавань, заполненная соленым болотом, тянущимся далеко до самого моря, словно огромное пятно черных чернил на промокашке. В сгущающихся сумерках я смог разглядеть древний дом с беспорядочно торчащими над крышей печными трубами, похожими на старческие руки, вытянутые к серому небу. Действительно, это самое захолустное место в Англии.

Открыв обитую железными заклепками дверь, я оказался в просторной прихожей с древней дубовой лестницей, стенами, покрытыми черными панелями и узкими створчатыми окнами. Огонь в камине не горел, и в комнате было так темно, что мне показалось, будто я ошибся адресом.

Я прошел через одну неудобную комнату, потом через другую, ныряя под низкие проемы дверей. В тесной буфетной, освещенной мерцающей масляной лампой, я вдруг натолкнулся на маленькую старушку, склонив-



шуюся над комодом спиной ко мне. Она обернулась. Это была матушка! Она не сразу признала меня, так же как и я ее.

— Вилли? Я не ждала вас так рано! — воскликнула она.

— Кто такой Вилли? — спросил я.

— Ричард? Это ты?

Теперь она показалась испуганной.

— Мама, а кто, по-твоему, должен прийти?

Она подошла, и мне показалось, что она собирается меня поцеловать, но мать лишь протянула руку и коснулась моей куртки, словно подумала, что я призрак.

— Какого такого Вилли ты ждала?

— Я не сказала «Вилли». Ты ослышался. Я просто удивилась, потому что не думала, что ты вернешься до Рождества.

— Почему меня не встречали?

— Думала, что на каникулы ты отправишься путешествовать.

— Разве мое письмо не дошло?

Она покачала головой. Я его опередил! Неужели не рада, что я вернулся?

Она приблизилась ко мне и, встав на цыпочки, поцеловала. Потом, отступив на шаг, оглядела меня:

— Ричард, как ты похудел. Тебе надо больше есть.

Странно, что некоторые мамы воспринимают детей словно вещи. Она оглядела меня так, будто я старый стол, который она собиралась купить. Я почти испугался, что мать начнет простукивать мои ноги, чтобы услышать, как они звучат.

Потом она произнесла:

— Оставайся здесь. Твоя сестра должна узнать, что ты приехал.



Удивительно! Эффи тоже здесь! Неужели моя привередливая сестра способна терпеть этот мрак, грязь, отсутствие газа и ковров?

Я поднял свечу. На комодѣ была аккуратно сложена стопка постельного белья и полотенец, две подушки — все накрахмаленное и отутюженное, а также два эмалированных металлических тазика. Она заметила, что я устал и на все это. В доме кто-то болен?

— Нет, — сказала она, — будет лучше, если прежде всего я провожу тебя в комнату. Где багаж?

— Пришлось оставить в «Черном льве». Его привезут, когда погода наладится.

Она повернулась и повела меня через несколько маленьких темных комнатусек.

— Станный старый особняк, — сказал я, следуя за ней через низкие двери и длинные коридоры. — Ты унаследовала его после смерти отца?

Она смутилась и сказала:

— Да. Хериард Хауз мой. Он принадлежал моей семье в течение столетий.

Мы поднялись по лестнице и прошли по длинному коридору. Скрип неровных половиц напоминал птичий щебет.

Она открыла дверь и провела меня в большую мрачную комнату с кроватью под пологом. Запахло плесенью.

— Распоряжусь, чтобы горничная принесла тебе горячей воды умыться после долгого путешествия.

— Горничная?

— Служанка Бетси.

— Полагаю, никого из прежних слуг не удалось уговорить приехать сюда?

— Ричард, как только будешь готов, спускайся... Здесь мы обедаем рано.

Она ушла.

Через несколько минут за дверью словно мышь заскреблась, и вошло маленькое робкое существо с кувшином горячей воды в руках. Я не увидел лица, поскольку она отвернулась. Чтобы заставить ее повернуться ко мне, я спросил:

— Тебя зовут Бетси?

Не взглянув на меня, она пробормотала:

— Да, сэр.

Потом ретировалась.

Я умылся, сменил белье и спустился вниз.

В холле вдруг оказалась Эффи. Она удивилась нашей встрече так же сильно, как и я. Кроме того, было похоже, что она пришла с улицы из-под дождя. В потемках мы остановились лицом друг к другу. Она выглядела так, словно собралась на бал: волосы ее были высоко уложены, а бархатное темно-зеленое платье я на ней никогда прежде не видел. Плечи Эффи были сильно обнажены, очень глубокое декольте открывало грудь особенно эффектно. По обнаженным плечам катились дождевики прямо за корсет. Она превратилась в очень красивую девушку, высокую, черноволосую, с огромными серыми глазами, правильными чертами лица.

Когда я был маленький, она, не стесняясь, раздевалась в моем присутствии до нижнего белья и даже дальше, но однажды, когда мне было около двенадцати, она заметила, как я на нее смотрю. Не знаю, что Эффи увидела в моем взгляде, но больше она не раздевалась при мне никогда. Сестра молча повернулась ко мне спиной и взбежала по лестнице.

Матушку я нашел в большой комнате в дальней части особняка. Она сидела и, как я видел много раз в другом доме, вышивала на пальцах.



Я сказал:

— Ты не предупредила, что к обеду у нас принято наряжаться.

— Что ты имеешь в виду, Ричард? — ответила она.

Я объяснил, что видел Эффи, разодетую, словно жена уличного торговца в субботний вечер.

— Полагаю, сестра принарядилась специально для тебя.

— Почему же такая реакция? Уставилась на меня, будто олень на заряженный ствол охотника, и ускакала.

Мама продолжила:

— Твоя сестра очень красивая молодая женщина, и ей приятно украшать себя. После того как мы уехали из города, у нее таких возможностей было мало.

С легкой улыбкой она добавила:

— Как Евфимия похожа на меня в этом возрасте.

Когда я сел, мать спросила:

— Почему ты здесь, Ричард? Мне казалось, что ты собирался в Лейкс.

— Вышло так, что я не смог себе это позволить.

— После всего случившегося просто необходимо было развеяться!

— Мама, тебе столько пришлось вынести. Я должен был быть рядом с тобой на похоронах.

— Ради чего? — спросила она почти сердито.

— Жаль, что не сообщила своевременно. Ты же знала, что об этом напишут в газетах.

— Думала, так будет лучше. Не стоит обсуждать это теперь.

(Лучше! А ведь я был очень шокирован, когда прочитал о смерти отца в газете.)

Я сказал:



— Мама, я до сих пор не знаю, что произошло.

— Ричард, мы говорили о твоих каникулах. Если дело в деньгах, то я могу немного помочь.

— Весьма благодарен, но слишком поздно. К сожалению, мой друг сейчас поехать не сможет.

Она снова принялась за работу и сказала:

— Было бы лучше, если бы ты пока уехал и вернулся, когда мы подготовим дом для жителя.

— Хочу помочь вам.

— Это женская работа, Ричард. Ты будешь только мешать. Почему бы тебе не съездить к Томасу?

— Какой сюрприз. К дяде Томасу? Вы с ним теперь общаетесь?

— Я написала ему о смерти брата.

(А мне ничего не написала!)

— И он был на похоронах, — прибавила она довольно нервно.

— Ну вот, — вздохнул я. — Мама, ты прислала телеграмму, прося остаться в Кембридже, а потом я узнаю, что пропустил похороны!

Не поднимая глаз, она сказала:

— Я Томаса не приглашала. Он сам приехал. И надо было кое-что обсудить. Например, твои расходы на учебу. Он решил продолжать платить. Именно поэтому тебе следует съездить к нему как можно скорее — поблагодарить за то, что он делает для тебя. Возможно, дядя будет платить и в дальнейшем.

Но мне не хотелось. И почему мама так благосклонна к дядюшке? Даже отец не мог терпеть собственного брата. Однако судьба мне благоволила.

— Что-то горит? — вскрикнул я.

Почти неосознанно я ощутил неприятный затхлый запах, словно что-то протухло.